

планы входило теперь составление эвенкийско-русского диалектологического словаря, поэтому для экспедиции 1931 г. она выбрала обширный район бассейна Нижней Тунгуски, где до этого времени ей еще не приходилось бывать. На лодке она проехала по всей Нижней Тунгуске, от самых ее верховьев до впадения в Енисей, и по пути следования заезжала на основные притоки (1).

На этот раз в задачи Г. М. Василевич, командированной Министерством просвещения, входили проверка качества изданных для эвенкийских школ учебников, консультации и оказание помощи учителям, а также сбор материалов по методике преподавания родного и русского языков. Экспедиция длилась более шести месяцев (с июля 1935 по февраль 1936 г.), в течение которых Г. М. Василевич побывала в трех районах Эвенкийского округа, проехав по огромному маршруту, включающему такие пункты, как Байкит, Тычаны, Тура, Нидым, Кербо, Стрелка, Чуня, Вановара, Кежма, Канск. В результате ею был собран значительный материал, использованный затем как в учебной, методической и педагогической литературе, так и в преподавательской работе со студентами (1). И все же основной деятельностью Г. М. Василевич в 1947/1948 гг. было проведение двух длительных стационарных экспедиций в южные районы Якутии и Хабаровского края. Изучение этого региона было связано с продолжением работы над проблемой тунгусского этногенеза. Для исследования недоставало материалов по восточным группам эвенков, которые специально никогда не изучались. Поэтому и были предприняты две ширококомасштабные экспедиции, общей продолжительностью более года, в течение которых планировалось собрать недостающие материалы по всем основным группам восточного ареала расселения эвенков. Выехав из Ленинграда в конце марта 1947 г., Г. М. Василевич вернулась домой только в феврале 1948 г., таким образом, длительность первой командировки составила более десяти месяцев. Маршрут экспедиции был окончательно выработан в Якутске, он включал четыре административных района – Тимптонский и Учурский в Якутии и Джелтулакский и Зейско-Учурский в соседней Амурской (бывшей Читинской) области. Местные эвенки были сосредоточены здесь в нескольких охотничье-оленьеводческих колхозах, которые располагались в небольших таежных поселках. Чтобы добраться до каждого такого пункта, нужно было ехать десятки километров, например, до Сутамского колхоза – 350 км по тайге, где основным средством передвижения являлся олень. Поэтому, не считая передвижения на машинах к районным центрам, Г. М. Василевич пришлось преодолеть по тайге свыше 1 500 км верхом на оленях в летне-осенний период и около 1 000 км на нартах – зимой. В феврале 1948 г. Глафира Макарьевна на несколько месяцев вернулась в Ленинград, но уже летом она вновь в экспедиции. На этот раз в район своих исследований она добиралась через Хабаровск, а оттуда – к верховьям рр. Урми, Амгуни и притоков Буреи в Кур-Урмийском и Верхне-Буреинском районах. В ноябре Г. М. Василевич заканчивает экспедицию и приступает к интенсивной обработке собранных материалов. Это не только записи по этнографии, языку и фольклору, но также отснятые фото пленки и три новых коллекции общей сложностью около 150 предметов, содержащие деревянные и берестяные игрушки, а также традиционные орнаменты и трафареты. В 1952 г. Г. М. Василевич была осуждена по 58-й статье и три года провела в местах лишения свободы. О том, что она была репрессирована, стало известно только в 1991 г. (!) (1).

Для написания монографии «Эвенки» Г. М. Василевич дважды, в 1959 и 1960 гг., специально выезжала в «поле» для того, чтобы на месте познакомиться с происходящими изменениями и довести исследование до самого последнего времени. Первая из этих экспедиций была предпринята в Катангский район Иркутской области, в верхнюю половину бассейна Нижней Тунгуски. Эта поездка, в которой Г. М. Василевич работала совместно с двумя московскими коллегами – этнографом Ю. Б. Стракачом и антропологом Ю. Г. Рычковым, состоялась в июне–августе 1959 г. А спустя год, летом 1960 г., Глафира Макарьевна побывала в Эвенкийском национальном округе, где работала вместе с фотографом, и посетила пять эвенкийских колхозов в Байкитском и Илимийском районах (1).

Таким образом, изучение родовых групп эвенкийского населения, занимающих обширные пространства Сибири и Дальнего Востока, представляет большой интерес для полевой этнографии. Исследователи, изучавшие тунгусские родовые группы, стали всемирно известными учеными, открывшими новую страницу в этнографии.

1. Ермолова Н. В. Г. М. Василевич как этнограф-тунгусовед // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М.: Восточная литература РАН. 2003. С. 10–46.

2. МАЭ СПб РАН (Кунсткамера). Ф. 22. О. 1. Ед.-хр. 147. *Василевич Г. М.* Межродовые военные столкновения эвенков по материалам фольклора.

Т. С. Федорова ШЕЛИХОВЫ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

Григорий Иванович Шелихов оставил столь значимый, столь яркий след в истории Русской Америки, что вот уже третье столетие мы помним о нем и отмечаем день его рождения, а правильнее будет сказать, что его никогда и не забывали. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в Российском государственном архиве военно-морского флота, Государственном архиве Пермской области, Национальном архиве США, других архивохранилищах и обширной литературе. Являясь фактически основателем Российско-Американской компании, Григорий Иванович Шелихов не дождался ее образования, но в течение всего периода существования Русской Америки там служили несколько представителей этой большой семьи.

После неожиданной кончины Григория Ивановича его родственники играли основную роль в событиях, связанных с учреждением Российско-Американской компании. Образовался клан Шелиховых, который вместе с Натальей Алексеевной вступил в борьбу за установление монополии в пушной торговле на Тихом океане. Интересы семьи отстаивали Иван Петрович, Василий Иванович, Сидор и Семен Андреевичи Шелиховы, активную помощь им оказывали два зятя: крупный купец Михаил Матвеевич Булдаков и камергер двора Николай Петрович Резанов.

Особым доверием вдовы и всей семьи пользовался двоюродный брат Григория Ивановича, его комиссионер Иван Петрович. Он выступал главным доверенным лицом клана Шелиховых в Иркутске, исполнял функции комиссионера между Охотском и Иркутском. Василий Иванович покупал и продавал меха на рынках, Сидор и Семен следили за исполнением всех дел клана, причем Сидор тоже занимался покупкой и продажей мехов, но уезжал дальше Василия, замыкая цепочку движения пушнины. В начале 1799 г. он был направлен правителем конторы в Охотск (1, с. 334).

Борьба за установление монополии в пушной торговле на Тихом океане, как известно, закончилась 8 июля 1799 г. созданием Российско-Американской компании. В «Правилах для учреждения компании» отмечалось: «Компания сия не вновь учреждается, но составляется из двух существующих пред сим частных компаний Голикова с Шелиховою и Мыльниковою с товарищами». Иван Петрович Шелихов стал одним из директоров Главного правления РАК и в 1802–1807 гг. вместе с первенствующим директором М. М. Булдаковым и Е. И. Деларовым решал наиболее важные вопросы деятельности Компании (2, с. 37, 48, 60, 114).

После образования РАК Василий Иванович продолжал свою деятельность в Русской Америке. В 1805 г. на бригантине РАК «Святая Елизавета» он прибыл на Кадьяк, но вскоре возвратился в Сибирь. В 1825 г. жил в Иркутске, имел 28 акций Российско-Американской компании.

Родственник Григория Ивановича, рыльский, а затем иркутский купец Сидор Андреевич Шелихов, был одним из первых соратников Григория Ивановича. Вместе на галиоте «Три святителя» они пришли на Кадьяк и основали там первое постоянное русское поселение. Затем он был приказчиком Северо-Восточной американской компании, с 1802 г. был правителем Охотской конторы РАК, одновременно числился правителем Иркутской конторы. В 1812 г. мог бы стать одним из директоров Главного правления РАК, но отказался переезжать из Иркутска в Санкт-Петербург. В 1825 г. он имел 15 акций РАК (3, с. 604–605).

В последующие годы наиболее заметным представителем семьи Шелиховых в Русской Америке стал Павел Иванович Шелихов. Расскажем о нем более подробно. Сын рыльского купца Павел 3 года служил в Московской конторе РАК, где был уличен в финансовых злоупотреблениях, и для реабилитации по собственному желанию отправился в российско-американские колонии. 7 ноября 1822 г. на бриге «Рюрик» он прибыл в Ново-Архангельск и был определен в канцелярию главного правителя колоний М. И. Муравьева с окладом 100 рублей в год (2, с. 147; 1, т. 2, с. 373). За время службы проявил себя исполнительным и деятельным конторщиком. 24 марта 1824 г. он был отправлен в колонию Росс и назначен помощником правителя форта Росс К. И. Шмидта. Когда возникла необходимость заменить Шмидта, 22 апреля 1824 г. Муравьев писал в Главное правление РАК о Павле Шелихове: «Я надеюсь на него более, нежели на Шмидта, и он может с большей пользой занять место последнего». «Павел Иванович определен на моем месте – от чистаго сердца постраваю, он того стоит», – писал К. И. Шмидт правителю Ново-Архангельской конторы К. Т. Хлебникову 11 августа 1824 г. (4, с. 531). «Приемником г-на Шмидта никого не могу лучше избрать как помощника его г-на Шелихова, которой уже довольно хорошо вникнул в производство дел... Жалование я ему полагаю по 2 500 рублей в год, сие только на время...» (4, с. 536), – говорится в предписании главного правителя колоний М. И. Муравьева К. Т. Хлебникову от 9 сентября 1824 г.

На посту правителя форта Росс Павел Иванович Шелихов был очень осторожным и исполнительным человеком. При нем продолжалось начатое его предшественником развитие зернового земледелия, а с прекращением в Россе по предписанию главного правителя колоний кораблестроения все людские ресурсы он направил на расширение земледелия и скотоводства. Сельское хозяйство стало в Россе главным хозяйственным приоритетом, вблизи селения не оставалось ни одного клочка невозделанной земли, а некоторые участки были отдалены от Росса на расстояние до трех верст. Подсобную роль в земледелии играли садоводство и огородничество. Источником неквалифицированной рабочей силы для сельского хозяйства при недостатке рабочих рук стали индейцы. Они начали приходить в колонию для работы и селиться там семьями.

Получили распространение различные ремесла и подсобные промыслы, развивались коженное производство, обработка железа и меди, изготовление изделий из секвойи.

Зимой 1825 г. сильные ветры и разлив воды разрушили крепость, сорвали кровлю с домов, «казарма обвалилась». «Почему г-н Шелехов, исправля крепостное строение, дом правителя и магазины (склады) перекрыл вновь. Казарма выстроена совсем новая с прибавлением против прежней в длину 3 и в ширину 3 ½ сажени. Удобность, чистота, порядок и согласие, примеченные повсюду, делают честь распоряжения г-на Шелехова» (4, с. 639), – отмечал К. Т. Хлебников в донесении Главному правлению РАК 15 декабря 1825 г.

«Кто бы не был в Россе из наших командиров, находили удивительный порядок и чистоту по всем частям, и г-н Хлебников его хвалит, – доносил в ГП РАК 13 апреля 1828 г. главный правитель колоний П. Е. Чистяков. – И как срок контракта г-на Шелехова минувшего года маяя ... дня кончился, продолжал Чистяков, а он объявил мне прежде о намерении своем возвратиться в Россию, не имея здесь человека, которой мог бы занять его пост... я поневоле не послал ему преемника и при отправлении г-на Хлебникова просил его убедить г-на Шелехова продолжать службу Компании хотя на 2 года, разрешив сделать ему прибавку к жалованию, а сам также писал к г-ну Шелехову и просил его о том же. Шелехов в ответе на письмо мое меня уведомляет, что хотя по семейственным обстоятельствам он и не может оставаться далее в колониях, но предложение мое, изъясненное в самых лестных для него выражениях, понудили его остаться еще на два года... Но полезнее было бы понудить г-на Шелехова остаться еще в колониях. Он достойный человек с способностями... смело могу сказать теперь, что г-н Шелехов при оставлении г-ном Хлебниковым с честью мог бы заступать его пост» (4, с. 275–276).

В ноябре 1830 г. Павел Иванович Шелихов прибыл в Ново-Архангельск и до 1832 г. занимал пост агента для особых поручений при главном правителе колоний Ф. П. Врангеле, а затем стал правителем Ново-Архангельской конторы. В донесении в Главное правление РАК от 20 ноября 1835 г. главный правитель колоний И. А. Купреянов сообщал, что «г-н Шелехов, выслуживший срок последнему своему контракту и многоценный на своем месте по всем отношениям, ныне служит по одному моему ручательству на заключение нового контракта». Купреянов просил ГП РАК разрешить ему «положить» Шелехову жалование 10 000 в год и 200 рублей в месяц берегового содержания, «ибо он отправляет свою должность далеко превыше своей прямой и заменяет существующий здесь недостаток в доверенных людях по весьма важным должностям, а именно он теперь несет обязанность бухгалтера... и имеет главный надзор за ротовым погребом, состояние коего ныне в первый еще раз не затрудняет начальство» (2, с. 325).

В апреле 1836 г. он получил сообщение, что ГП РАК разрешает ему выехать в Россию, но по воле Купреянова «и в ожидании мне на смену высочайше утвержденного преемника к прискорбию моему должен остаться здесь еще на год или до мая будущего 1837 года» (2, с. 334), – писал Павел Иванович Ф. П. Врангелю. В Россию он смог выехать только в апреле 1839 г. (5, л. 80об).

Сын Павла Ивановича Николай Павлович во второй половине 1850 и в 1860-х гг. служил при Главном правлении РАК в Санкт-Петербурге, был помощником бухгалтера в чине коллежского секретаря. В 1863 г. был переведен бухгалтером в Аянскую контору РАК (3).

Столь подробные сведения о Павле Ивановиче Шелихове мы знаем благодаря его переписке с разными адресатами, хранящейся в Государственном архиве Пермской области. Многие его письма опубликованы в объемной публикации России в Калифорнии.

В Русской Америке была еще одна категория лиц, имевших фамилию Шелихов, а иногда и отчество Григорьевич. Я имею в виду местных жителей, которых, очевидно, крестил Григорий Иванович Шелихов. Так, Алексей Григорьевич Шелихов был крещеный алеутский тойон на Уналашке. В 1794 г. переводчиком В. П. Меркульевым из Северной компании Шелихова-Голикова он был назначен на должность главного тойона на Лисьих островах.

Тимофей Григорьевич Шелихов, крещеный алеут, в 1794 г. прибыл в Охотск на боте «Св. Симеон». Кадыкский эскимос Иван Шелихов состоял на службе РАК с 1838 г., в мае 1862 г. он был утвержден казначеем сел. Лесновского.

И еще один Шелихов, это – тойон кадыкских эскимосов из сел. Чиньяк Яков Шелихов. Он служил толмачом в форте Росс, и летом 1818 г. первый после Баранова главный правитель российско-американских колоний Л. А. Гагемейстер наградил его серебряной медалью «Союзные России» на Владимирской ленте. В сентябре 1820 г. на бриге РАК «Булдаков» он отправился из форта Росс в Ново-Архангельск (3).

Фамилию Шелихов, или название, в Русской Америке имели и корабли. 20 июня 1849 г. в Калифорнии представителями Компании было куплено трехмачтовое судно и приведено в Ново-Архангельск. 25 июня барк был освящен и назван «Шелихов» в память об основателе РАК. «Это был прекраснейший дубовый барк, построенный в 1845 г. в Бремене. Длина его составляла по палубе 100 футов, ширина – 24, глубина интрьума – 16 футов. Судно совершило рейсы на Сандвичевы (Гавайские) острова и один из первых рейсов судов РАК в Шанхай. 15 июля 1851 г. с капитаном 1 ранга Г. И. Невельским на борту судно вышло из Аяна и направилось в пост Петровский на Амуре. 18 июня, отыскивая при сильном тумане вход в гавань Счастья, “Шелехов” ударился о подводные камни и затонул» (2, с. 217, 429).

В 1852 г. в Гамбурге комиссионер РАК Х. Р. Штурм купил для Компании бриг, также названный «Шелехов». В сентябре того же года бриг принял его командир А. Г. Юзелиус с полным вооружением, корабельными запасами и командой. Из Гамбурга судно отправилось в Ситку. «Шелехов» использовался для перевозки льда и каменного угля в Калифорнию, ходил на Кадык и в другие отделы колоний (2, с. 272–274, 301, 303, 432).

Таким образом, Григорий Иванович Шелихов незримо присутствовал в Русской Америке на всем протяжении ее существования в разных ипостасях: многочисленных упоминаниях его имени, имен его родственников, крещеных им алеутов и эскимосов и названиях кораблей.

1. История Русской Америки. 1732–1867. В 3-х т. М. : Международные отношения, 1997.
2. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера 1799–1815. М., 1994.
3. Гринев Андрей. Кто есть кто в истории Русской Америки. М., 2009. С. 604–605.
4. Россия в Калифорнии. Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях 1803–1850. Т. 1. М., 2005.
5. РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 42. Л. 80об.

А. М. Харитонов **ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ АЗИАТСКОЙ РОССИИ** **НА ЕВРОПЕЙСКИХ КАРТАХ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

К началу XVI в. территория Азиатской России была известна европейским картографам лучше, чем территория большей части Европейской России. Лет 25 назад за подобный парадоксальный вывод, вздумай автор работы озвучить его на какой-либо научной конференции (напечатать его без ущерба для собственной репутации мог позволить себе тогда только научно-популярный журнал с целью поднятия тиража), можно было навсегда остаться за пределами академической науки. Не помогли бы никакие самые надежные доказательства в пользу этой идеи, она и сегодня у большинства историков и географов может вызвать негативную реакцию. Однако наука не стоит на месте, и то, что вчера казалось невозможным, сегодня представляется уже не столь невероятным (7).

Прежде всего отметим, что северо-восток Азии присутствует на большинстве мировых карт позднего средневековья. Однако сами эти изображения обычно игнорируются при анализе в силу того, что их всегда считали не более чем плодом фантазии авторов карт. В частности, так делается в известной сводке Багрова (1) у ряда подобных карт, где наряду с подробно описываемой по карте самим Багровым европейской частью России имеется изображение и ее азиатской территории. Оно и понятно: общепринято, что эти территории попали в поле зрения науки только после начала походов русских землепроходцев в Сибирь, а значит, могут быть приняты во внимание, если составлены не ранее 1700 г. или даже позже.

Освоение Сибири – одна из самых ярких страниц истории России. Русские землепроходцы в течение всего примерно одного столетия более чем удвоили территорию Российской державы и